

АВСТРАЛИАДА

Юбилейный

СИДНЕЙ 1 1994

СИДНЕЙ 5 1995 г.

СИДНЕЙ 7 1996

СИДНЕЙ 8 1996

СИДНЕЙ 11 1997

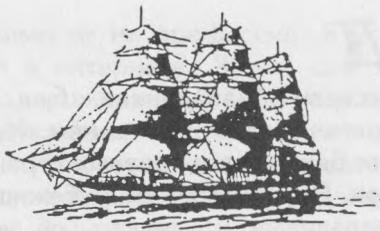
СИДНЕЙ 16 1998 г.

СИДНЕЙ 19 Апрель 1999 г.

СИДНЕЙ 20 Июнь 1999 г.

СИДНЕЙ 21

СИДНЕЙ 21 ОКТЯБРЬ 1999 г.

Из ранней истории

Елена Говор

Маленькая Сибирь на плато Атертон*

Участки сыновей Николая Дмитриевича Ильина граничили с другими русскими соседями, первопоселенцами: рядом с Ромелио жила семья Балясов, а соседом Леандро был Джон Никонец. Владимир Клементьевич Баляс (1875-1944) родился в деревне на Волынщине, в Западной Украине, и знал русский и польский языки. В молодости он служил в гвардии, в Москве. Память о тех временах все еще жива в его семье. «Да, это была история, когда он об этом рассказывал, — вспоминает его сын Джордж. — Все эти драгоценные камни и шашки, и как они упражнялись в фехтовании». Но эта блестящая жизнь по непонятным причинам пришла к концу. Джордж смутно помнит рассказы отца о том, что после революции 1905 г. в гвардии нарастала поляризация, и многие, в том числе и он, покинули службу, опасаясь грядущих преследований. Владимир Баляс отправился на восток, в Харбин. С ним была его жена Алисия (ур. Босникова), медсестра по специальности, родившаяся в Одессе в 1882 году.

В апреле 1910 г. с одной из первых волн русских эмигрантов Балясы приехали в Австралию на «Кумано Мару». На том же судне плыла семья Павла Ивановича Кларка (известного в Австралии как Пол Грей), русского народовольца. За свою революционную деятельность Кларк неоднократно ссылался в Сибирь и даже был приговорен к казни, которая потом была заменена 10 годами каторги в Акатуге, откуда он бежал и в конце концов добрался до Австралии. Здесь он стал основателем первой русской колонии в Вэлламбилла. Однако Балясы не последовали за ним, а, после нескольких месяцев работы на строительстве железной дороги в Блэкбутте, предпочел двинуться на север, куда Ильины приглашали поселенцев в новую колонию. Балясы приехали туда почти одновременно с ними, в конце 1910 г. и взяли хороший участок 62 в долине на стыке дорог, которые впоследствии получили название дорога Рассела и дорога Гадалова. А в январе 1911 г. местный земельный чиновник сообщал в Брисбен о прибытии в их район неведомых дотоле русских: «За исключением Леандро Ильина они едва могут сказать пару слов по-английски. Они, однако, знают другие языки и я предлагаю, чтобы к ним применялся тест по уровню образования... Эти люди уже поселились на выбранных ими земельных участках, много сделали по их освоению и без сомнения окажутся хорошими поселенцами». Выполняя тест по грамотности Владимир Баляс умолчал о причинах его разрыва с русской гвардией и отрекомендовался как «земледелец». Он писал, что в Австралии хочет заниматься «земледелием и скотоводством». Перевод его русского текста на английский был сделан Леандро Ильиным. Баляс, действительно, добился хороших результатов на своей ферме, что, вероятно, объяснялось его прежним крестьянским опытом.

Но прежде, чем это произошло, внимание квинслендских властей привлекла жена Владимира Алисия Баляс, причем настолько серьезно, что в ноябре 1911 г. из Кэрнса в Гадгарру был командирован полицейский инспектор для расследования. Дело в том, что некий русский, Ф. Кечелли, написал донос на своих соотечественников в Австралии, в котором он заявлял, конечно без всяких доказательств, что женщина по фамилии Баляс разыскивается русской полицией, поскольку она «отравила русскую женщину в Харбине, а затем сбежала из харбинской тюрьмы. Добравшись по едва проходимым тропам до фермы Балясов инспектор сообщал: «13 ноября 1911 г. я отправляюсь в Юнгабарру, чтобы завершить расследование, я убедился, что единственные русские, которые проживают в этом районе это Ильины, у которых участок в Гадгарре, и женщина по фамилии Баляс... Она живет одна на своем участке в Гадгарре, а ее муж работает на железнодорожной линии в Пирамоне, это примерно 8 миль от Гадгарры и 7 миль от Юнгабарры. Я допросил женщину Баляс в Гадгарре. Она едва говорит по-английски и ее трудно понять. Она сказала мне, что в Австралии она около одного года, что она из Одессы, что она работала около десяти лет медсестрой в Манчжурии, а ее муж пять лет был солдатом. Она производит впечатление очень странного и слегка помешанного человека».

---

* Окончание. Начало см. «Австралиада» № 20.
Copyright © Elena Govor 1999.

Очевидно, после этого визита, власти решили не продолжать расследование дела этих странных русских, в то время как сами Балясы, ничего не подозревая, продолжали трудиться на своем участке. Их имя тоже попало на карту Гадгарры. На территории их фермы начинался Бутчер Крик — у Джорджа до сих пор сохранились самые живые воспоминания о нем: «Когда мне было три года, я чуть в этом крике не утонул, я свалился в него и долго не мог выбраться», — то место, где Бутчер Крик пересекал дорогу Гадалова становилось непроходимым в дождливые дни и местные жители в 1915 г. обратились к властям с просьбой построить «мост через Крик Баляса».

Своих детей у Балясов не было и они усыновили мальчика Джорджа, родившегося в 1922 г. О его происхождении ничего не известно, но местные старожилы говорят, что возможно в его жилах была и аборигенская кровь. Его ранние воспоминания об этих местах связаны с немым кино, которое показывали в клубе, построенном в 1920-е гг. через дорогу от фермы Балясов. Он все бывало ходил вокруг и искал лазейку как бы попасть в зал. С тех пор кино стало его хобби и 60 лет спустя, когда выпускники школы в Бутчере Крик собрались на встречу, он привез свои любительские фильмы и показывал их в том самом зале, где впервые увидел кино, и таким образом «завершил полный круг длиной в 60 лет». А еще Джордж хорошо помнит свою няню-аборигенку Диану, которая пришла к ним из лагеря в Бунджи. В 1928 г. Балясы продали ферму и переехали в Маланду, а затем в Толгу, где у них была ферма с кукурузой. Когда началась вторая мировая война 19-летний Джордж добровольцем вступил в армию и сражался на Новой Гвинее. В 1944 г. он вернулся в Австралию и его часть как раз была неподалеку от дома, когда умер его отец. Джордж рассказывает: «Я похоронил его, но когда я заскочил домой, чтобы разобрать вещи, я ничего не успел сделать, так как мою часть погрузили в поезд и перебросили в Брисбен. Я не знаю, что случилось со всеми его бумагами. Вскоре и моя мать умерла и власти дом продали».

...Ветер переворачивал страницы дневника Владимира Баляса, дневника, который он вел долгие годы, описывая жизнь Маленькой Сибири. Но кого интересовала эта пачка старых бумаг на русском языке, которые, быть может, содержали разгадку причин побега Балясов в Австралию и происхождение его приемного сына. И теперь, полвека спустя, Джордж с горечью говорит: «Это нераспутанный узел. Я так и не знаю откуда я и кто я».¹ Джордж еще немного помнит русский язык, на котором он говорил в детстве дома и навсегда сохранил интерес к русской культуре.

Соседом Балясов был Джон Никонец (участок 60), по-русски его звали Иван, но местные называли его Ника. Он родился под Харьковом в 1884 г., в 1910 г. приехал в Австралию, как и Баляс поработал на строительстве дороги в Блэкбутте и в июне 1911 г. присоединился к русским первопоселенцам в Гадгарре. Он жил одиноко и так и не женился. Михаил Гадалов вспоминал, что русскому было трудно найти жену, потому что «местным женщинам не нравились русские мужчины из-за их грубого акцента, да к тому же они были не англосаксами, а иностранцами». В 1921 г. Никонец продал свою ферму и покинул район, «так как сырой климат плохо сказывался на его здоровье». Дальнейшая судьба его неизвестна.²

Еще две русские фермы располагались по другую сторону дороги Рассела, в округе Маланды, напротив участка Ромелио. На них жили Ламин и Фадчук, люди друг на друга совсем не похожие. Владимир Николаевич Ламин (1880-1951), хоть и родился в небольшой деревне под Камышином в Саратовской губернии (еще один земляк Николая Ильина), производил впечатление человека образованного и культурного. Ничего не известно о его жизни в России и о причинах эмиграции в Австралию, куда он приехал в 1910 г. с женой Марией Ивановной (родилась в 1880 г.) из Манчжурии. Он пытался найти работу в Брисбене, затем взял участок земли в Вэлламбилла, в колонии, выросшей вокруг семьи Кларков-Греев. Там Ламины не прижились, и оставив участок, Владимир переехал в Чиллаго, на рудники; работал он также и на рубке сахарного тростника в районе реки Малгрейв, недалеко от Маленькой Сибири. Вскоре он присоединился к русским поселенцам в лесах Гадгарры, взяв участок на углу дороги Рассела и тропы Кларка (первопроходца этих мест). Ламины поселились на своем участке в 1913 г., а вскоре холм, у подножия которого находилась их ферма, получил название Холма Ламиных (Lamins Hill). Это один из немногих русских топонимов уцелевших до сих пор, причем широко известный, так как после расчистки лесов, окружающих Холм Ламиных, с него открылся прекрасный вид и теперь сюда нередко приезжают туристы, посещающие плато Атертон. У Ламиных не было детей, и они усыновили мальчика Альфи (Альфреда), который попал к ним благодаря Ильиным. Флора, внучка Николая Ильина, все еще помнит перипетии этой истории. Альфи был незаконнорожденным сыном Джека Макая, мужа Ариадны Ильиной. Мать Альфи, гречанка, отказалась о нем заботиться, а своенравная Ариадна тоже не хотела растить пасынка. Дело кончилось тем, что Леандро забрал у них малыша и принес к Ламиным, которые с радостью согласились его взять. Ламины продали ферму в 1924 г., но остались жить в окрестностях Атертона.³

Рядом с Ламиными, на тропе Кларка, жил холостяк Феликс (Филимон Алексеевич) Фадчук (1884-1932), личность живописная и вошедшая в местный фольклор. Он родился в деревне около Ковеля, в западной Украине, некоторое время работал на почте в Ковеле, а затем, в 1909 г., нелегально перешел границу с Австрией и в конце концов добрался до Аргентины. Вполне вероятно, что там, во

время своих мытарств, он познакомился с Ильиными, так как в 1912 году он последовал за ними в Австралию, и, высадившись в Кэрнсе, приехал в Атертон и взял участок земли. Как и другие русские он начал борьбу со скрэбом. Однако несколько лет спустя, когда окрестные фермеры стали получать первые надои от коров и делать сливки, Феликс стал возчиком, доставляя каждый день по едва проходимым дорогам сливки в Маланду. Он приобрел упряжку волов и, по словам местного сторожила Эдгара Шорта, «когда его английский не действовал на упряжку он переходил на русский, а то и на испанский».

Шорт оставил любопытную зарисовку отношения Феликса к местным антирусским нравам: «Феликса, русского погонщика волов, лучше было не сердить, хотя, если с ним обращались хорошо, он был вполне приятным и дружелюбным человеком. У него были высокие скулы, немного раскосые глаза и что-то азиатское в чертах лица, как это иногда бывает у восточных славян. Один из наших соседей, которого, кстати, никто не любил, терпеть не мог Феликса, и обычно в его отсутствие отзывался о нем не иначе как “этот желтый монгольский ублюдок”. Однажды Феликс возвращался из Маланды с упряжкой к себе домой и повстречался с этим соседом, который, проезжая мимо и думая, что Феликс его не достанет, поприветствовал его “Ты, желтый монгольский ублюдок, добрый день”. Сказав это, сосед пришпорил лошадь, но, как это иногда бывает, она, прежде чем поскакать, пару раз поднялась на дыбы. Феликс умел ловко управляться с длинным кнутом и был скор на руку, и пока лошадь гарцевала, он пустил кнут в дело, приговаривая: “А теперь что ты скажешь о монгольском ублюдке?” Сосед, залитый кровью, с рубашкой и кожей располосованной от плеча до пояса, драпанул оставив вопрос без ответа». Шорт добавлял, что в России Фадчук был профессиональным борцом, «факт, который некоторые мужчины обнаруживали, когда уже было слишком поздно».⁴

Автор с Биллом Хоменко. 1996.

Маленькая Сибирь на плато Атертон, маленький кусочек России, заброшенный в австралийские джунгли причудой судьбы. Команда из двенадцати 20-40-летних мужчин во главе со старейшим 60-летним Николаем Ильиным, из семи женщин и свыше десятка детей. Они происходили из разных социальных слоев — крестьяне, рабочие, военные, служащие, интеллигенты — и приехали туда со всех концов Российской империи от Санкт-Петербурга на севере до Екатеринослава и Ташкента на юге, от Могилева и Волыни на западе до Красноярска и Владивостока на востоке — русские, белорусы, украинцы, сибиряки. Дорога в Австралию для многих из них прошла через заключение, ссылку, побег, географически пролегая через Дальний Восток, Европу, Аргентину. Как ни тяжела была их жизнь в России, как ни враждебно было отношение к ним в Австралии из-за того, что они русские, ни один из них не предал свою русскость, их дети, даже приемные, говорили по-русски, и стали забывать язык только после смерти родителей, так как никто из них не нашел пути к новой волне русских иммигрантов, так называемым «белым русским», которые стали прибывать в Австралию в начале 1920-х годов.

... Мы сидели на ржавой цистерне во дворе фермы Билла Хоменко. Его натруженные руки лежали на коленях, босые ноги крепко стояли на земле. И его австралийский сленг, и потерятая

широкополая шляпа казалось делали его настоящим австралийским бушменом, но мне он казался до боли знакомым, как раз таких стариков я встречала в белорусских деревнях, когда ходила по дорогам Белоруссии, собирая материалы о своих предках. Даже двор фермы — лошади, спокойно стоящие у «плота», сделанного из жердей, и старый сарай, из-под дверей которого то и дело появлялась мышка, занятая своими мышинными делами, и земля, раскисшая после недавнего дождя — все казалось до странности знакомым и родным. Все, кроме гофрированного железа... А Билл вел меня в прошлое, в то время, когда на соседней ферме жил молодой Леандро Ильин — «Этот скрэб вон там, это был его, Леандро. Тут и забора нет между участками, граница так и шла по скрэбу до самой Кэрнской тропы», — в то время, когда босоногие русские ребятишки верхом на неказистых лошадках скакали по дороге Гадалова в школу, а сам Билл со своим младшим братом Джоном играл на берегах Карибу Крик, который сейчас, как и 80 лет назад, тихо струил свои воды к океану. Мы были среди останков Маленькой Сибири, и Билл Хоменко был ее последним могикинином. Казалось, что туманные холмы за его спиной, очищенные от скрэба были единственным материальным свидетельством о трех десятках русских, когда-то покоровших эту землю. Но не могли же те надежды и отчаяние, с которыми они осваивали ее, пот и слезы, которые они проливали на ней, любовь и боль, что они испытали на этой земле, исчезнуть без всякого следа? Нет, невидимые, они были здесь, составляя русский слой в богатой истории этой земли, русский слой, пришедшийся между аборигенским и австралийским. И отсюда по всему миру тянулись нити русских судеб. Прохоровых они привели обратно в Россию, некоторых Ильиных — в Гондурас и США, и всех остальных, включая семью Леандро Ильина — в разные концы Австралии.

Когда мы уезжали, Билл с истинно русской — а быть может бушменско-австралийской? — щедростью насыпал нам целое ведро сладких танжеринов...

¹ NAA (ACT): A1; 1914/21026, Vlademir Balias - Naturalization; QSA: LAN/DF 85 Atherton 1508; QSA: file A/45328, Russians 1911-1915; *The Atherton News and Barron Valley Advocate*, 19 June, 14 July 1915; Интервью с Джорджем Балясом 7.06.1997, 20.07.1997 (Tape 12A-B); Сообщение Роя Фелпса, Атертон.

² NAA (ACT): A1, 1914/3357, John Nikonets, - Naturalization; QSA: LAN/DF 100, Atherton 1667; Интервью с Питером Гадаловым 1.05.1997.

³ NAA (ACT): A441/1, 1951/13/8524, Lamin, V. N.; QSA: LAN/DF 118, Atherton 1937.

⁴ NAA (ACT): A1, 1914/11108, Felemon Alexeivch Fadchuck - Naturalization; Queensland birth, death and marriage records; E.Short, *The Nation Builders*, Dimbulah, 1988, pp. 24-6, 32, 39, 85, 87, 109, 110, 145.

ПОЗНАКОМЬТЕСЬ

с нашими корреспондентами

Начиная с №21 и вступая в 6-й год существования, мы отмечаем 5-летний юбилей. Пришло время познакомить читателей с авторами журнала. Сначала мы хотели представить самих себя, но потом решили, что мы читателям уже достаточно известны, и не только по журналу, и поэтому решили прежде всего познакомить вас с нашими корреспондентами, проживающими в других странах и штатах Австралии.

РОСТИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОЛЧАНИНОВ

Наш корреспондент Ростислав Владимирович Полчанинов - журналист, общественный деятель, преподаватель церковных школ, коллекционер, автор около двух тысяч статей в газетах и журналах на русском и сербско-хорватском языках. Переводился и на другие языки. Родился он в Новочеркасске 27 января 1919 г. в семье офицера, служившего в Штабе Верховного Главнокомандующего, сперва при императоре Николае 2-м, а затем при генералах Деникине и Врангеле. Эвакуировался с родителями из Севастополя в 1920 г. в Югославию. После окончания в Сараеве четырехклассной русской школы учился в югославянской гимназии и на юридическом факультете Белградского университета (заочно).

Югославянский скаут с февраля 1931 г., русский скаут с апреля 1931 г., русский сокол с 1934 г., член НТСНП - Национально-трудового союза нового поколения (ныне НТС) с 1936 г.

Проживал в Сараеве с лета 1922 г. по 26 января 1942 г. Уехал на работу в Берлин, бежал с работы и 27 апреля прибыл нелегально в Варшаву. В марте 1943 г. через Ригу прибыл во Псков. 1 декабря 1943 г., будучи работником Православной миссии в оккупированном немцами Пскове, женился на Валентине Петровне Наумовой. Вместе с женой, работая в Русском комитете, вел работу среди русских беженцев в Риге. В годы войны был одним из руководителей подпольной русской скаутской организации и, участвуя в работе ОРЮР (Организации Российских Юных Разведчиков), одновременно возглавлял Союз югославских скаутов в изгнании.